

Глава XXXVII

Джон Джаспер страдает нервами, а Мистер Сапсеа оскорблён в своём достоинстве

Страшная бурная ночь грозит Клоистергэмским жителям. В горячем спёртом воздухе царствует такая духота и затишье, что самые птицы, неслышно пролетающие целыми стаями почти в уровень с землею, быстро прячутся в гнездах, и мало-помалу древний городок принимает вид давно уснувшей безмолвной Помпеи¹; временами порывистая горячая струя воздуха обдаёт раскалённым дыханием своим Минор-Канонский Угол, и густая листва старых буковых деревьев вздрагивает и шелестит под этим прикосновением, а испуганные пернатые обитатели их еще боязливее запрятываются в воздушных жилищах своих, прерывая всеобщую тишину лёгким пищаньем.

Старожилы городка посматривают на свинцово-черную массу туч на горизонте и, значительно покачивая головами, отдают приказанье младшим членам семейств не зевать, а покрепче запереть ставни и двери на эту ночь. Но мало кто из них, старых или молодых, ложится спать в этот вечер; сидя, собравшись все кругом домашнего очага, они со страхом прислушиваются к завываньям всё усиливающегося ветра, который свищет и стонет, безумно врываясь в трубы, перебирая с дикими воплями черепицами кровель и вламываясь к ним насильно в окна, пока им [не] начинает мерещиться, что все воздушное пространство наполнено демонами-музыкантами, задающими демонскую серенаду и влача за собою целую армию таких же демонов, которые потешаются и пляшут под эту музыку.

Вечерняя служба в Соборе отошла, и немногие из тех прихожан, которые рискнули выйти в этот вечер, спешат домой, не останавливаясь, как по обыкновению, поболтать отдельными группами.

Ветер, дувший сперва со стороны реки капризными порывами, захватывает с последним вихрем всю пыль, лежащую по дорогам и, наполняя ею воздух, превращается в долгую непрерывную бурю.

Минор-Канон появляется из последних под Кафедральной дверью, сопровождаемый Мистером Топом, который ожидает только, чтобы хор переделся, чтобы поскорее запереть двери и бежать без оглядки.

«А что, Топ, ведь маленькая гроза разыгрывается, мне кажется», – замечает Криспаркль, поглядывая сомнительно на нависшие тучи.

«Вы могли бы, Ваше Преподобие, назвать это и сильнейшей грозой и всё-таки не ошибиться, – с подобострастным упрёком в голосе отвечает Пономарь. – Не дай Бог, как сглазите еще её».

Минор-Канон, не отвечая, убеждается в том, что лучше спешить домой, и уходит.

Вот являются, наконец, члены хора, приостанавливаются у входа, поднимают головы кверху и, понюхав воздух, бегут; последним выходит Джаспер, бледный, как и всегда; поджидая Топа, он смотрит, в свою очередь, на свинцовое небо и обращается к Пономарю:

«Внезапная перемена погоды, Топ; должно быть, будет неприятная ночь».

«Хоть бы вы уж сказали яснее, Мистер Джаспер, – отвечает, всё более трусая «дурного глаза», Топ. – Просто будет самая страшная буря, почище той еще, что завывала в ночь под прошлое Рождество, когда...»

Джаспер внезапно бледнеет и хмурится; Топ, спохватясь, прикусывает язычок.

Регент, не дожидаясь более Топа, спешит домой и, зажигая лампу, готовится провести одинокий вечер. Ветер дует прямо теперь с реки в окна Джаспера и потрясает ими в бессильной ярости, грохоча стёклами; деревья гнутся и стонут, как беспокойные души привидений, хлеща ветвями об стены квартиры его; нервно ходит он по комнате, прислушиваясь ко всем этим зловещим звукам, пока они начинают звенеть в ушах его, и ему мерещится, что он ясно различает следующие слова:

«Как – по-сеешь, так – пожнёшь!»

---

¹ Помпеи – древнеримский город недалеко от Неаполя (Италия), погребенный под слоем вулканического пепла в результате извержения Везувия 24 августа 79 г.

Он останавливается у окна и смотрит на облака, бешено гонимые по небу ветром, и машинально рассеянно начинает считать редкие капли дождя, которые постукивают об стёкла, как невидимые существа, просящие его об убежище от дикой бури.

Он так же нервно отворачивается и садится за фортепьяно, стараясь заглушить музыкальным грохотом грохот всех этих раздражающих его звуков, но не успевает заглушить внутреннего, громко раздающегося в нём голоса, повторяющего:

«Как посеешь – так пожнёшь!»

Он вскакивает с места и снова прислушивается к буре, которая ревет и свищет в эту минуту с таким неистовством, что весь дом дрожит до основания всякую минуту, угрожая ему падением на его грешную голову.

Он вспоминает слова Пономаря, и грозные виденья проносятся перед ним, ясно рисуя картины прошлого. Джаспер не может ни минуты сидеть спокойно теперь. То садится он за фортепьяно, то снова бросается к окну, но всюду постоянно преследует его тот же образ и те же слова раздаются с точностью маятника; он различает их в вое ветра, в глухом стенаньи дерев, и самая кровь его, кажется ему, переливаясь в жилах, всё сильнее приливает к голове, нащёптывая ему в уши:

«Как посеешь – так пожнёшь!»

Лёгкий стук в двери слышится ему теперь, но до такой степени овладевает им суеверный ужас, что он сидит неподвижно, и только когда стук повторяется несколько раз, способен он выговорить слабым голосом:

«Войдите!»

Мистер Дэтчери всовывает свою седовласую улыбающуюся голову и осведомляется, «не обеспокоит ли он Мистера Джаспера?».

«Войдите, войдите, прошу вас, сэр», – отвечает поспешно Регент, обрадовавшись даже этому столь почему-то антипатичному для него гостю.

«Я не знал, как провести этот бурный вечер одному, – извиняется холостяк, покойно растягиваясь в предложенном кресле. – Племянник мой, Джо, ушел к приятелю в гостиницу *Крозгёр*, и так как он еще не вернулся, то я и осмелился прийти посидеть с вами; вы знаете пословицу “тоска любит компанию”, а она что-то напала на меня сегодня вместе с сестрицей своей хандрой».

«В таком случае мы действительно можем оказаться друг другу хорошей компанией, так как я только что сам так сильно скучал, что желал весьма искренно, чтобы кто-нибудь зашел».

«Тем лучше, тем лучше, и я весьма рад, что зашёл вовремя, видно», – отвечает Дэтчери так серьёзно и с таким странным выраженьем в лице, что Джаспер невольно пристально смотрит на него.

«Благодарение Всевышнему еще, что подобные грозы не так часто встречаются у нас, – продолжает Дэтчери, – потому что они всегда напоминают мне... Чу! – восклицает он. – Слышали вы стук в дверь? Это, верно, Джо».

И прежде чем Джаспер успевает понять, в чем дело, холостяк схватывает лампу и бежит к двери, быстро отворяет и – внезапный порыв ветра тушит её, оставляя обоих в темноте.

«Господи, помилуй нас! – восклицает Дэтчери. – Какие гадкие штуки разыгрывает этот ветер. Кто там?»

Тяжелый вздох отвечает ему с лестницы, а позади его слышится прерывистое дыханье Джаспера.

«Кто там, отвечайте!» – снова кричит холостяк, но, не получая ответа, запирает снова дверь.

Тень ли то от хлещущих в окно древесных ветвей, или же игра воображения, но Джасперу кажется, что между им и стёклами мелькнул знакомый образ? Дрожащею рукою он зажигает спичку и быстро осматривается; никого не видно, всё пусто и перед ним стоит один извиняющийся в неловкости своей Дэтчери.

«Я не люблю выходить из комнаты в подобные ночи, – замечает старый холостяк, когда лампа снова зажжена и Джаспер успокоился, – они слишком подвергают человека разным неприятным случайностям. Иногда может свалиться вам на голову черепица с крыши и пришибить, или же другой какой удар свалит вас с ног и перепугает до полусмерти... Нет, не люблю я так рисковать. Полагаю, что и вы того же мненья; случалось вам когда выходить в подобную ночь?»

«Уж ручаюсь за то, что нет, – поспешно отвечает Регент. – Я предпочитаю подобным прогулкам сидеть у себя и даже скучать. В точно такую ночь, – добавляет он медленно и грустно, – без вести пропал мой бедный дорогой мальчик, вот почему так грустно мне сегодня вечером».

«Да, странный, таинственный то был случай, Мистер Джаспер; но вы сумели расположить к себе еще более всех наших знакомых с того времени. Мало случалось им, я полагаю, быть очевидцами такого искреннего горя, как видали они в вас; но всё напрасно, вы чуть не свели себя в раннюю могилу, но тайны не открыли, и она осталась тайною. Да, ловко же сумел схоронить концы негодяй!»

«И в этом ничего нет странного, – отвечает Джаспер, неловко передвигая стул. – Если, как я почти уверен в том, убийца окончил его разом и бросил тут же тело в реку, – а они оба стояли возле реки, это нам всем известно, – то течение воды, конечно, быстро унесло его в море и не могло быть найдено».

«Так-так, – поддакивает Дэтчери, устремляя глаза в древние барельефы потолка, – но старая пословица говорит не даром: “грехом пролитая кровь – кричит до открытия”, и время укажет нам, не сомневаюсь в этом, на преступника».

«Надеюсь, что имею право утверждать, – по известным мне так верно уликам, невзирая на недостаточность этих показаний при судебном следствии, – что преступник известен мне, сэр».

«Именно вследствие вашей столь часто выражаемой при мне уверенности вполне убежден в том, что *вы* знаете *его* хорошо».

«Но что могу я сделать, сэр? – грустно качая головою, продолжает Джаспер. – Я имею только одно нравственное, хотя тем более верное убеждение, но этого недостаточно, к несчастью! Кто знает, уличу ли я его когда?»

«Но когда этот низкий, трусливый смертоубийца будет, – кто бы он ни был, – уличен, – а я всё еще надеюсь почему-то, что будет, – то да понесёт он достойную кару своего преступления. Рано или поздно всё открывается на этом свете. Как посеешь – так пожнешь».

Быстро отшатывается Джаспер, вперив дикий, помутившийся взгляд на Дэтчери. Почему, какой злой демон влагает в уста этого человека страшные слова, которые целый вечер преследовали его, то приносимые на крылах ветра, то нашёптываемые собственной совестью. Но обычная хитрость заставляет его² сдержаться, и он спрашивает Дэтчери довольно спокойно:

«Что значат ваши последние слова?»

«Значение их, кажется, очень ясно, – хладнокровно отвечает Дэтчери, рассматривая лежащий на столе альбом. – Если бы, например, вы решились пойти против закона Божеского и людского и совершили бы убийство, или же обманули бы женщину лживыми, коварными обещаниями и, убедив, что женитесь на ней, лишили бы её чести, то, конечно бы, вы в таком случае посеяли семя, которое вам пришлось бы наверное пожинать рано или поздно».

«Для чего говорите вы мне это?» – бешено восклицает Джаспер, теряя всякое самообладание.

Седовласый с удивлением подымает на него глаза, и Регент, чувствуя, что выдал себя, опускает взгляд перед его пристальным взглядом.

«Вы спросили у меня значение этой старой пословицы, существующей со времен первого Христьянства, если не ошибаюсь, и я отвечал вам».

Но тут Музыкальный Учитель чувствует, что разговор ему не по силам, и поэтому, заметив, что уж очень поздно, намекает, что он на другой день собирается ехать очень рано в Лондон.

Дэтчери, учтиво схватив мяч на лету, встает и начинает извиняться, что так долго засиделся.

Оставшись один, Джаспер чувствует, что, несмотря на то, что нервы его немного успокоились, он всё-таки не может превозмочь какого-то странного чувства беспокойства и решается постараться уснуть.

Раздевшись, вой продолжающейся бури и собственные тревожные мысли не позволяют ему сомкнуть глаз и он долго и беспокойно переворачивается с боку на бок.

Так проходит несколько часов, и Джаспер всё не спит и лежит с открытыми глазами.

Он встает и, зажигая свечу, подходит к окну спальни своей. Буря не утихла, но если возможно, то еще усилилась и продолжается также разрушительно.

В доме Минор-Канона, который находится напротив, огонь давно потушен, и в переулке царствует один непроницаемый мрак. Недолго остаётся у окна Регент и, поставив зажженную

---

² Далее зачеркнуто: у.

свечу на столе в углу, снова ложится. Какой-то безотчётный страх овладевает им, и он, решившись не тушить огня, скоро впадает в дремоту.

Сквозь сон он слышит будто шорох, но не открывает глаз. Дверь комнаты, некогда занимаемой Эдвином Друдом, находится прямо против его постели, и ему чудится, будто кто-то отворяет её. Широко открыв блистающие ужасом глаза, Джаспер приподымается на подушке и чувствует, как холодный пот катится крупными каплями с лица его на руки. Тяжелый вздох, нечто между воплем и стенанием раздаётся, как ему кажется, над самым ухом. Дыбом поднимаются волосы Регента, еще минута тяжелого страшного ожидания, дверь полуотворяется и на пороге соседней комнаты он видит – Эвина Друда!

Дикие крики, нечеловеческие вопли ужаса снова раздаются по всему Топовскому жилищу и поднимают на ноги весь дом. Дэтчери бросается в аван-гарде³ с племянником своим Джо; дрожащий и бледный от страха, злополучный Топ, в самом легком из всех ночных костюмов, заключает шествие, по обыкновению своему, в арьер-гарде, – и все бегут к Джасперовской двери.

К удивленью их они находят её незапертой и, не слыша более ни малейшего звука, исходящего из спальни, они решаются войти.

«Ради самого Неба! – восклицает старый холостяк. – Чего вы так дико кричите, Мистер Джаспер? Вы нас просто перепугали с племянником моим... Что с вами?»

Бледный, как сама смерть, всем телом дрожащий Джаспер долго не может выговорить ни слова. Наконец, он объясняет им слабым голосом, что раздраженный страшной грозой и долгой бессонницей, в присоединении к тому же постоянных мыслей своих о племяннике, ему показалось, будто бы он ясно увидал лицо – дорогого своего мальчика!

При этом страшном известии в комнате раздаются снова два крика, мужской и женский, – и, выскочив или, скорее, вылетев кубарем из комнаты на лестницу, Пономарь, крепко ухватившись за белые юбки супруги, бежит стремглав в свой собственный покой, оглашая весь переулочек ревом ужаса, который подхвачен тотчас же свирепым ветром и унесён в пространство.

«Вы видели племянника вашего? – спрашивает с сильным любопытством заинтересованный Дэтчери. – Конечно, вы видели не его самого, так как он убит, но привиденье бедного молодого человека».

«Я не верю в эти глупости, – злобно отвечает Джаспер, – и приписываю это виденье тому, чему и следует его приписать: грозе и сильному раздражению всей нервной системы».

И он встает и, накинув халат, просит их сойти с ним в гостиную, куда бодро сходит первый, хотя и чувствует, что у него подкашиваются ноги.

«Нервной системе, так, – повторяет задумчиво и как бы про себя Дэтчери. – Напрасно, потому что я первый верю в привидения, скажу более, я сам видал один раз привиденье. Никто не уверит меня в противном».

Они все трое стоят теперь посреди гостиной, и одинокая свеча, пламя которой трепетно борется с врывающимися в открытую дверь порывами ветра, то ярко освещает это фантастическое трио, то, разбрасывая по комнате капризные черные тени, оставляет их почти в темноте; Джо Слджерс, который отделился немного от других, рассматривает, позевывая, портрет Розы и вдруг, неожиданно толкнув дядю под бок, указывает ему на картину, замечая:

«Нам бы следовало повесить у себя несколько картин, дядя Дик; посмотрите на эту вон. Не правда ли, какое хорошенькое лицо, а?»

«О, Джо, Джо, ты такой же, как и другие твои сверстники, только и занимаешься, что смазливими личиками. Но это уж в мужской природе, бьюсь об заклад; когда дойдёшь до моих лет и сделаешься старым холостяком, как дядя твой, то узнаешь тогда, как опасна бывает женская красота и сколько поклонников своих она прямо передает черту в руки, губы и тело их и души. Прав ли я, Мистер Джаспер?»

«Совершенно правы, не сомневаюсь в том. Но портрет этот, которым так любуется наш молодой друг, висит здесь не ради красоты лица. Он представляет бывшую невесту моего дорогого незабвенного племянника и подарен мне им. С тех пор я никогда не снимал его с того места, куда он первоначально повесил его, и берегу его, скорее, как последнее воспоминанье о нём».

---

³ авангарде (*фр.* *avant-garde*).

«Пожалуйста, не принимайте сказанных мною слов за личности, сэр, – отвечает Дэтчери. – Я говорил вообще, ни на кого не намекая; тем менее на вас, который, я убеждён в том, имеет целью в жизни более высокие и благородные стремления, нежели одни хорошенькие лица».

«Вы правы, сэр, – говорит Джаспер, – я действительно имею более глубокую цель в жизни».

«Я сказал: благородную», – поясняет Дэтчери.

«А я говорю: глубокую, – отвечает Джаспер. – По-моему, мало разницы в этих выражениях».

«Может быть, что и нету, – небрежно замечает Дэтчери. – Но нам всем пора идти уснуть хоть немного. Надеюсь, что вы почувствуете себя спокойнее остальную часть ночи».

Джаспер смотрит на часы и находит, что уж почти утро; холодно раскланявшись, все трое отправляются восвояси.

Войдя в свою комнату и заперев двери, Дэтчери замечает племяннику:

«Буря помогла нам и принесла общему делу видимую пользу. Наш друг может похвастаться эластичностью нерв[ов] своих; желаю ему сохранить оную до финального поднятия завесы. Мне приходится сильно по вкусу подобный род наказания. Оно поддерживает его в постоянной душевной тревоге, и если мы не запугаем его до смерти, то надеюсь позабавиться подобной мэтодой⁴ еще несколько времени».

«Чудовище! – бормочет Джо, который почему-то сильно ненавидит Музыкального Учителя. – Заметили вы, какими глазами он смотрел на портрет, когда я заговорил об нём. Как будто хвастался своим обожаньем к оригиналу! Я насилу удержался, чтобы не сорвать его со стены и не вышвырнуть из окна».

«И весьма мало бы оказали пользы этим, любезный Джо, – отвечает Дэтчери, – мгновенно разрушив весьма приятный задуманный нами план, который очень, очень недалёк от окончательного выполнения».

И, подойдя к шкафу, Седовласый глубоко погружается в расчёты своих таинственных меловых черточек, бормоча всё время об «итогах и умножениях», после чего оба отправляются почивать.

Следуя непреложным законам первоначального Сотворения Мира, бурная ночь уступает место брату своему – дню; ослабев после гигантских подвигов ночи, ветер утихает, гоня лишь для проформы запоздалые тучи по небу, словно рачительная хозяйка, чисто подметающая и приводящая в порядок залу после безумного пьяного пиршества гостей своих. Солнце проталкивается бесцеремонно сквозь сплошную массу дождевых облаков и, окончательно разогнав их, с любопытством посматривает на разрушительные следы элементов, выбравших жертвой своей тихий Кафедральный Городок.

Солнце заглядывает и в жилище Его Чести, Мистера Томаса Сапсеа, как бы желая упрекнуть Высокоумного Мэра в том, что его Великий Разум допустил непокорные элементы до такой шалости в отношении вверенного ему округа. Но Разум этот, именно в силу своей громадной деятельности, требовал более крепкого и продолжительного сна, нежели другие менее развитые умы. Такие мелочи, как бури, грозы, ураганы и тому подобное, мало тревожили сон этого Великого Мыслителя по той простой причине, что он не допускал даже той обидной для него мысли, чтобы Стихии осмелились коснуться до него.

Поэтому сия Необыкновенная Личность проспала крепко и мирно целую прошлую ночь, ни разу не удостоив даже проснуться, чтобы обратить вниманье на происходящие вокруг него разрушения.

Окончив туалет, он отворяет окно и слышит на улице разговоры об опустошениях, произведенных бурей. Вполне убежденный в неуспешности всякой попытки со стороны ветра повредить ему в чем-нибудь, он даже не принимает труда пойдти взглянуть на принадлежащие ему постройки и довольствуется приятным зрелищем через улицу матерьяльных утрат соседей в виде сорванных домовых труб, поломанных черепиц и с корнем вырванных тополей из палисадников. Насладившись новым доказательством уважения стихий к его Высокой Особе, Мистер Сапсеа закрывает окно и звонит, чтобы потребовать завтрак. На звон его поспешно является служанка с явными признаками ужаса и смятенья на лице и почтительно приглашает его сойдти вниз взглянуть, что позволила себе совершить буря с «старым барином».

---

⁴ Так в тексте.

Услыша эти слова, выговоренные с чувством суеверного страха, Мистер Сапсеа не верит самому себе и переспрашивает с гордым достоинством служанку:

«Про какого старого барина позволяете вы себе говорить, Марианна?» – и устремляет на оторопевшую девушку глаза, блистающие пронизательностью.

«Про старого Мистера Сапсеа, сэра, вашего отца», – отвечает она.

Страшная мысль о том, что сила бури не пощадила даже покоящихся последним сном усопших на кладбище мелькает в Великом Уме. Ужасные виденья о разбросанных ураганом мёртвых телах вокруг Минор-Канонского Угла и даже – о, страх! – по соседним улицам заставляют Великого Человека содрогнуться, но и тут даже возникает в нём сомненье насчет почтенного усопшего родителя. Неужели осмелились бы разъяренные Стихии коснуться до одного из Сапсеев? Он сам положительно убежден в неприкосновенности живого Сапсеа и всё еще считает и мертвого Сапсеа столь же священным в глазах Природы. Нет, это невозможно! Подобная мысль не может быть допускаема, тут кроется какая-нибудь ошибка, и если даже и другие покойники подверглись столь позорной участи, – то не Сапсеа, никогда!

«Как же вы знаете, что отец мой находится в таком состоянии?» – продолжает он допрос свой спокойнее.

«Потому что, сэра, – серьёзно отвечает Марианна, – я сама видала его! Голова его вся чисто сорвана, и одна из рук также».

«Великий Боже! – восклицает Сапсеа, – неужели голова моего уважаемого родителя находится не с остальным туловищем?»

И Великий Человек подымает высоко руки к Небу с неописанным ужасом на лице.

«Нет, сэра, не находится; только всё же она не пропала, так как кто-то поднял её, видно, и положил вместе с рукой на верхнюю ступеньку возле двери. А туловище всё торчит там же, где и торчало».

Обыкновенный вульгарный разум никогда не догадался бы, что всё дело относится не к брэнному телу старшего Сапсеа, мирно покоившегося в продолжение стольких лет на соседнем кладбище, но Великий Необычайный Разум разом начинает смекать, что, быть может, служанка говорит об деревянном изображении уважаемого Аукционера №1, красовавшегося с незапамятных времен над входом, и поэтому снова обращается к ней с вопросом:

«Да вы об ком говорите? Не об статуе ли моего покойного отца?»

«Господь благослови нас и помилуй, сэра! – восклицает озадаченная служанка. – Да об ком же другом и могла я говорить? Неужели вы полагали, что я намекала о *настоящем* старом барине?»

И чувствуя себя не в состоянии удержаться от смеха при этой нелепой мысли, она фыркает в передник.

«Без комментариев, прошу вас, Мисс! – восклицает раздраженным голосом Сапсеа. – Если бы вы были менее глупы, то и объяснились бы яснее. Конечно, теперь, несмотря на ваши нелепые слова, я *сам* понял, что вы говорили о *статуе* моего отца, а не о его теле и крови. Всё-таки мне и это кажется странным и неправдоподобным, коль скоро я сам раз навсегда решил, что с изображением ничего не может такого случиться. Это весьма серьёзное дело. Я сейчас сам сойду вниз, дабы лично убедиться в размерах этого общественного несчастья. Ступайте, и прошу вас вперёд не позволять себе подобных вольностей», – сурово добавляет Великий Муж.

Сапсеа, назвав это происшествие «общественным несчастьем», едва удержался, чтобы не прибавить «и дерзкой смелостью Стихий»; но он всё-таки в глубине своей гордой души считал это неслыханной дерзостью Природы, касательно даже деревянного члена семьи Великих Сапсеа.

Он сходит на крыльцо медленными и величественными шагами, и на лице его лежит печать суровой торжественности, которая, по мере его приближенья к дверям, изменяется на выражение такой вызывающей горделивости, что можно было бы предположить, что сам заваривший всю эту кутерьму ветер стоит⁵ собственной своей особью на крыльце и поджидает быть прогнанным или даже совсем уничтоженным на месте одним мановением Великой Руки. Сапсеа отворяет двери и видит обезглавленное тело, сидящее в прежнем положении, опираясь единственной оставшейся рукою на аукционный стол; но голова покойного Аукционера в завитом парике лежит в ногах у сына своего лицом вниз, как бы стыдясь униженного положения, в котором он находит её.

---

⁵ Далее зачеркнуто: *в*.

Мистер Томас Сапсеа продолжает не доверять своим глазам и, сделав шаг назад в переднюю, начинает щипать себя за руки и ноги, как бы желая убедиться в том, что всё это не один страшный сон. Но нет: перед ним лежит поверженная в пыли, израненная, горькая действительность.

Громкий голос подошедшего к месту преступления ветров кого-то раздаётся возле убитого горем Сапсеа и спрашивает:

«Это что еще за кутерьма?»

Сапсеа подымает глаза с родительской головы и видит стоящего перед собою Дёрдльса, грязнее и запыленнее еще обыкновенного.

Великий Человек складывает руки на мощном брюхе, как бы боясь лопнуть от постигнутого его удивления, и спрашивает каменщика с видом оскорбленного достоинства, как ему кажется такое необычайное происшествие?

«Чего тут казаться? – говорит Дёрдльс, бесцеремонно переворачивая ногой голову Сапсеа-старшего. – То и кажется, что это чертовское еще счастье старику, что подобная штука случилась не с ним самим».

«Не могу опомниться! – продолжает уныло Сапсеа-младший. – Ничего подобного не случилось мне видать на своём веку!»

«Благодарите свои старые башмаки, что это не вы сами! – утешает Дёрдльс Мэра. – Эту вон голову можно еще привинтить как-нибудь, а вашу собственную не так-то скоро можно было бы приклеить к туловищу, да и тогда вам было бы мало толку с того. Ну, да довольно болтать. Дёрдльс пришел к вам по делу, оповестить вас еще о кой-какой беде, что вчерашняя буря накуролесила вам. Да, может, вы уж слышали?»

«Нет, не слышал, ради Бога, говорите скорей!»

«Да вон монумент-то ваш здорово полетел вверх тормашками за ночь. Всего так и скрутило его, и он лежит весь в кусках на кладбище, да и не он один, а еще два или три брата вместе с ним, для компании, видно. Должно полагать, “Костлявым” надоело прислушиваться к буре взаперти, так они вон и вылезли погулять на свежем воздухе».

И каменщик равнодушно подбрасывает вверх молоток, ловко ловя его на лету. Так равнодушно рассуждает он, действительно, об этом новом, неожиданном бедствии, что несчастный Сапсеа совершенно уничтожен этим известием и слабо надеется еще, «что тот шутит».

«Чего там буду шутить! – гневно восклицает Дёрдльс. – Нашли шутника, как же; коль раз что Дёрдльс сказал, так так ему и быть. Пойдите да посмотрите сами, как шутил Дёрдльс».

Поспешно направляются они к кладбищу и находят там кучу любопытных, осматривающих развалины многих поломанных, сокрушенных бурей памятников. Но они не останавливаются и идут прямо к последнему жилищу обожательницы Сапсеавского Ума. Памятник валяется в траве, и одно лишь красноречивое воззвание к совести прохожего, советуемое ему удалиться «с краской на лице» уцелело. Всё остальное в мелких кусках. Известие о непростительных буйствах ветра достигло и до ушей обитателей Дома у Калитки, и в эту самую минуту выбегает из него Джаспер с безумным, диким взором и помертвелым лицом. Проталкиваясь через толпу, он бросается к Сапсеа и хриплым задыхающимся голосом спрашивает его, что случилось?

Но сердце Мистера Сапсеа слишком переполнено горестью, чтобы отвечать. Великий Ум парализован и как бы прекратил за неожиданным банкротством обыкновенные ему отчётливые⁶ платежи звонкой монетой; он молча указывает рукой на погибший великолепный памятник Мистрисс Сапсеа и, вздымая глаза к Небу, как бы ожидает хоть некоторого извинения со стороны Стихий.

Все с изумлением замечают, что Джаспер кажется еще более пораженным и убитым, нежели прямо заинтересованный в деле сам Великий оскорбленный Муж. Он пристально рассматривает с увеличивающейся бледностью различные куски памятника и, заметив Дёрдльса, осведомляется у этого джентльмена, не нашли ли «чего необыкновенного в раскрытом перед ними склепе».

«Какого черта хотели бы вы там найти?!» – спрашивает с удивлением каменщик, тараща на него глаза.

«Кто знает! – с трудом выговаривает Джаспер, и жалкая попытка на улыбку скривливает его побелевшие губы. – Вы носите постоянно с собою ключ от всех склепов, и я подумал, что, быть может, вы могли забыть в этом склепе несколько плетёных бутылок для лучшего их удобрения», –

---

⁶ Далее зачеркнуто: *ему*.

и пытается так странно захохотать, что все чувствуют себя глубоко пораженными этим разбитым дребезжащим хохотом, который так неестественно звучит в ушах слушателей.

«Этот вон склеп, – серьезно и важно отвечает каменщик, – не был отперт с самого того дня, как поставили над ним монумент. И Дёрдльс сильно советует, кому бы то ни было, быть поосторожнее на словах и не обвинять его в том, что он превращает последние спальные “Костлявых” в винные погребки».

Но Джаспер не слушает его даже и продолжает действовать чрезвычайно странно, как будто не сознавая вполне ни слов, ни поступков своих. Он колеблется еще немного, затем подходит ближе и, нагнувшись, лезет в открытый склеп.

«Не старайтесь обмануть меня! – кричит он оттуда, и голос его раздаётся между испуганными зрителями как голос выходца с того света, до такой степени он удушлив. – Я лучше знаю сам! – и исчезает из глаз публики; потом, тотчас же снова появляясь у входа, вылезает назад, и с лицом, действительно разительно похожим на лицо мертвеца, шатаясь, подходит к Дёрдльсу и, восклицая. – Я не позволю *этого*... Мошенник! Ты обманываешь меня... Ты украл *его*!..» – падает у входа в гробницу, бесчувственнее и холоднее её самой.

Толпа смотрит на лежащего Джаспера с суеверным страхом и молча расходится, не оказав ему ни малейшей помощи. Один оскорблённый им Дёрдльс нагинается и старается привести его в чувство по-своему.

Вдали показываются Дэтчери и его племянник Джо рука об руку и, медленно проходя мимо бесчувственного Джаспера, останавливаются на секунду, бросая на него любопытный взгляд.

Ни словом, ни делом не стараются они помочь Музыкальному Учителю и так же рука об руку отходят они прочь, Дэтчери, замечая племяннику, что «хотя людской суд и часто заставляет себя ждать, но что зато Суд Божий не ошибается и рано или поздно посещает повинную голову преступника».

Облегчив себя этим последним замечаньем, оба входят к себе, и Седовласый, молча и не говоря ни слова, подходит к стенному шкафу и медленно прибавляет длинную черту мелом к счету. Эта последняя черта оказывается длиннее всех прочих. Полюбовавшись ею, старый холостяк запирает шкаф и садится так же молча возле племянника, погруженного в глубокую задумчивость.